

А. М. ПАНЧЕНКО

НАЧАЛО ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ: ИДЕЙНАЯ ПОДОПЛЕКА

Резкая поляризация оценок Петровских реформ произошла при жизни преобразователя, сохраняется до сей поры и, вне всякого сомнения, будет иметь место и впредь.¹ Если искать некую равнодействующую, которая могла бы объединить и апологетов, и отрицателей, то ее позволительно усмотреть в признании за деятельностью Петра I качества революционности, толкуемой как прогресс и скачок либо как насилие над ходом вещей, неорганичность, зародыш культурного «двойничества» и соответственно непримиримого социального противоборства верхов и низов.

Показателен в этом смысле разговор А. С. Пушкина с великим князем Михаилом Павловичем, занесенный в дневник поэта 22 декабря 1834 г.: «Vous êtes bien de votre famille, сказал я ему: tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs».² Пушкин метил прежде всего в Петра — и конкретно в Табель о рангах: «Если в дворянство можно будет поступать из других сословий, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством». Табель о рангах тоже можно оценивать двойко: по-пушкински (уничтожая замкнутость дворянского сословия, она уничтожает, так сказать, его совещательную функцию, узаконивает деспотизм)³ и по-петровски (она пролагает

¹ Суммарную характеристику отечественных и зарубежных трудов середины XIX—70-х гг. XX в. см. в кн.: Баггер Ханс. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. Идеи оппозиции и логику ее размышлений можно представить по кн.: Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I по материалам Преображенского приказа. М., 1957; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 100 и след. См. также статью: Успенский Б. А. Historia sub specie semiotica // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286—292.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 335 («Вы подлинный член вашей семьи <...> все Романовы революционеры и уравниатели»).

³ Ср. там же: «Говоря о старом дворянстве, я сказал: Nous, qui sommes aussi bons gentilshommes que l'empereur et vous. . .» («Мы, такие же хорошие дворяне, как император и вы. . .»). Пушкин рассуждал как европеец: на Западе знатность отождествляется с древностью рода. Пушкины, которые